

ОТЗЫВ официального оппонента

**на диссертацию Курышевой Марины Александровны на тему:
«Византийская книжная культура эпохи Македонской династии:
создатели, заказчики и владельцы рукописей и предметов с надписями
IX–X веков», представленную на соискание ученой степени доктора
исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история
(Средние века)**

Диссертационное исследование Марины Александровны Курышевой посвящено исключительно важной и мало изученной проблематике – книжной культуре Византии IX–X вв. Актуальность и значимость данной работы не подлежат никакому сомнению. Чрезвычайно актуальным является само исследовательское поле книжной культуры. Именно книга задает культурную матрицу и во многом определяет основные стандарты существования цивилизации. Совершенно справедливо автором отмечается на с. 24 диссертации, что «сейчас византийский социум изучается как «мир книг» и «общество библиофилов», для которых чтение было исключительно значимой социальной практикой, а сами кодексы важными «социальными маркерами», по которым зачастую определялся статус индивида». В современной историографии действительно очень востребована и активно развивается проблематика письменной культуры, разрабатываются и опробуются подходы к изучению письменности, письменной традиции и книжной культуры самых разных цивилизаций и эпох. Поэтому диссертация М. А. Курышевой находится в русле самых актуальных и востребованных сегодня исследовательских трендов.

Стоит отметить и особую актуальность данной проблематики в современном мире тотальной цифровизации. Интенсивно расширяющееся информационное пространство современного общества неизбежно ставит исследователя перед необходимостью глубокого изучения и осмысления производства, хранения и трансляции знания средствами книжной культуры,

бытования текста в коммуникативной среде и функционирования книги в социальном пространстве.

Кроме того, крайне важно то, что фокус исследования направлен на эпоху Македонской династии. Именно на это время приходится расцвет византийской культуры, проявляются ее самые яркие специфические черты. Причем, Э. Камерон считает, что Македонский ренессанс не в меньшей, а, вероятно, в большей степени был временем расцвета литературы, чем расцвета искусства¹. В то же время удивительным образом не только письменная традиция с учетом качественных изменений, происходивших в культуре Византии в обозначенный период, но даже политическая, событийная история изучены крайне фрагментарно. Как отмечается в работе (с. 6–7 диссертации), «синтетическая история периода правления Македонской династии всё еще не написана. До сих пор нет даже отдельных биографий всех ее императоров. Хронология и событийная история X в. изложены в разных статьях, которые только в совокупности дают необходимый базис фактов и некий общий взгляд на ход политического процесса...». И сам термин «Македонский ренессанс» требует переосмысления². Соответственно предложенное М. А. Курышевой исследование имеет очевидную / бесспорную социальную и научную актуальность.

Целью данного исследования является «воссоздание истории письменной, прежде всего книжной, культуры Византии периода правления императоров Македонской династии («первого гуманизма») в ее

¹ Cameron A. M. The Byzantines. Oxford, 2006. P. 156.

² Шевченко И. И. Перечитывая Константина Багрянородного // ВВ. 1993. Т. 54. С. 26; Барынина О. А. Македонский ренессанс в исследованиях отечественных византинистов // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тез. докл. XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2011. С. 35–36; Барынина О. А. Македонский ренессанс в современной историографии // Международная научно-практическая конференция «Петербургские чтения. Русский мир: пути цивилизационных взаимодействий»: Сб. ст. СПб., 2019; Барынина О. А. Македонский ренессанс как историческая проблема // Византийское «содружество»: Традиции и смена парадигм: Тезисы докладов XXII-й всероссийской научной сессии византинистов РФ. Екатеринбург, 24–28 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 13–15.

социографической динамике и социокультурном контексте» (с. 42). Нужно сказать, что работа написана в рамках совершенно нового подхода, который определяется как «византийская социографика»³ и предполагает изучение процесса создания и бытования кодекса в контексте микросоциологических (группы создателей, заказчиков, собирателей и иных пользователей) и макросоциологических (место и функция в графосфере, т. е. в «графической среде», в которой живут люди того или иного общества) моделей. Таким образом, рукопись рассматривается как социальное явление, возникшее из социального запроса и оказывающее свое влияние в определенной социальной среде.

Источниковая база исследования поражает своей полнотой и разнообразием. Она включает в себя оригинальные кодексы и предметы с надписями (предметы искусства, печати и др.), дошедшие до наших дней. С частью из них М. А. Курышева работала непосредственно, с частью – по фрагментарным воспроизведениям в альбомах и каталогах, и частью – по полным цифровым копиям. Были проработаны все ключевые собрания греческих рукописей России (Государственного исторического музея, Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки и Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова) (с. 10–11), а также европейские собрания, включая Ватикан, Лондон, Париж, Синай, Афон, Оксфорд, Кембридж, Копенаген, Краков, и т. д. Один только список исследуемых рукописей занимает в работе 9 страниц (с. 289–297). Список альбомов, каталогов, различных баз данных, с которыми работала М. А. Курышева, составляет 104 наименования (с. 297–308).

Вторую группу, как указывает автор (с. 12) составляют данные письменных источников о книгах, надписях, их создателях и пользователях, рассыпанные в огромном количестве сочинений самого разного жанра.

³ Gastgeber C. Byzantinische Soziographik. Der griechische Schreiber und seine Handschrift. [Prolegomena Byzantina 1]. Baden-Baden: Ergon 2024. S. 102–112; Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Idem. The Russian Graphosphere, 1450–1850. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Список только опубликованных источников в этой группе составляет также 104 наименования (с. 308–319). Автор использует также новейшие, максимально полные своды печатей и монограмм, которые являются и изобразительными, и письменными источниками (с. 14–15). Отдельно автор отмечает собрания текстов малых жанров, прежде всего, эпиграмм на разных носителях, которые раньше находились вне фокуса внимания исследователей. «Привлечение всех этих источников дает совершенно новое качество полноты данных, позволяя выйти за пределы круга классических известий из ограниченного числа историографических произведений и житий» (с. 16). Подобная источниковая база дает возможность создания действительно масштабного, полного, современного обобщающего труда, превосходящего все предшествующие работы.

Отдельно стоит отметить не только и не столько количество анализируемых источников, сколько качество источникового анализа. М. А. Курышева не только блестяще владеет методиками кодикологического и палеографического анализа византийских рукописей, но и прекрасно идентифицирует почерки, стили письма и индивидуальные манеры письма IX–X вв., что говорит о прекрасной школе и высоком уровне мастерства исследователя.

Обращает на себя внимание обширнейшая *историография* исследования, включающая более 550 работ, преимущественно новейшего времени, как на русском, так и на европейских языках. При этом автором проведен очень качественный и добротный подбор литературы и ее анализ. В итоге вполне убедительно показано (с. 16–17), что при всем обилии научных работ и давней традиции изучения отдельных сюжетов и кодексов, *степень изученности* византийской книжной культуры середины IX–X в. остается очень невысокой. Вопрос же социального контекста создания и функционирования кодексов в «социальном поле» культурной, бюрократической и политической коммуникации до сих пор фактически не концептуализирован.

Методологический раздел показывает очень широкий научный кругозор автора и владение редкими сегодня навыками и методиками текстологического, кодикологического, палеографического, стилистического анализа. И хотя автор скромно постулирует на с. 6: «мы возвращаем методы греческой палеографии и кодикологии в традиционную для византистики и, шире, медиевистики, проблематику социальной истории», в действительности в работе использован широчайший инструментарий классических и самых современных методов, подходов и исследовательских практик.

Стоит согласиться с автором, что «большие перспективы открывает исследование дипломатических источников – не только как актов для извлечения информации социально-экономического и юридического характера, но и как памятников определенной социокультурной среды, в которой взаимодействуют люди разных статусов и профессий. В сопряжении истории канцелярий, где бюрократы готовили документы, и скрипториев, где писались книги, нам видятся перспективы нового понимания письменной культуры Средневековья» (с. 15–16).

В целом, методологический раздел (с. 43–45) показывает не просто знакомство автора с современными теориями и тенденциями в исторических исследованиях и не только виртуозное владение современными методиками практического (кодикологического, палеографического, стилистического) анализа рукописей, но и умение применять современные подходы (такие как, например, акторно-сетевая теория взаимодействия индивидов и высокоагентных артефактов, концепция «материальности» прошлого, «уликовая парадигма», методика выявления и анализа семиотического статуса «вещи» или «семиофора», методики «археологии» книги и т. д.) к конкретному и мало освоенному материалу византийских рукописей X–XI вв.

Но самое важное, на наш взгляд, обстоятельство, состоит в том, что, опираясь на подходы, предложенные Саймоном Франклиным (2019) и

Кристианом Гастгебером (2024!), отталкиваясь от них, М. А. Курышева создает тщательно проработанное исследование действительно социографического характера, подчеркивая социальный контекст создания и бытования рукописей.

В содержательном отношении работа имеет несколько уровней. Базовый уровень составляет анализ рукописной традиции, что сразу закладывает мощный фундамент исследования.

Второй уровень – это изучение книжной культуры как комплекса социальных практик, диалог и взаимодействие создателей книжной продукции (писателей, переписчиков, ювелиров и прочих мастеров), ее заказчиков и потребителей, т. е. читателей и других лиц, вовлеченных в этот процесс. И, наконец, третий уровень, – это «пристальное внимание к людям, которые выступали в роли создателей (авторы, переписчики, комментаторы и др.) и пользователей (заказчики, читатели, продавцы, покупатели, коллекционеры и др.) средневековых манускриптов, к их почеркам и стилям письма. Иными словами, – как говорит автор, – на основе полученных нами данных, мы попытаемся проникнуть в мир византийцев с помощью изучения реально дошедших до нас артефактов, дошедших до нас манускриптов и предметов с надписями» (с. 5).

Представляется действительно важным и ценным, что за этим кругом материальных артефактов, которые анализируются в работе, проступают живые люди с их мировоззрением, характером, почерком, индивидуальными особенностями, причем не только императоры или их всесильные придворные, как например, Василий Ноф, но и такие малоизвестные люди, как например, монах Ефрем, «анонимный учитель», анонимный «мастер церемоний» и др. Здесь же можно увидеть выход на проблему формирования элит, очень актуальную и востребованную сегодня.

Отдельного рассмотрения заслуживает новизна представленного исследования. На с. 46–47 автор довольно скромно пишет, что *«научная новизна* диссертации обусловлена тем, что оно является первым

комплексным исследованием книжной культуры Византии середины IX – X вв. в контексте ее письменной культуры и социально-политической истории, в разработке новой теоретической рамки, которая позволяет объединить историю византийских сообществ (социальных групп) и «институциональных сеттингов» (таких как «императорский двор», «имперская канцелярия», «скрипторий», «библиотека» и др.) с историей конкретных артефактов и персоналий, а также в применении комплекса методик датирования рукописей и идентификации индивидуальных почерков X столетия».

В действительности же, новизна исследования определяется целым комплексом факторов:

во-первых, совершенно невероятной источниковой базой (Многие источники были обнаружены лично автором и впервые вводятся в научный оборот. Многие из известных источников блестяще передатированы и переатрибутированы скрупулезнейшим образом. Здесь сложно что-либо возразить, но выводы и наблюдения автора во многом меняют наши представления об эпохе Македонского ренессанса);

во-вторых, методологическими подходами (Наиболее перспективными и значимыми в рассматриваемом исследовательском поле нам кажутся социографика и графосфера, пока еще не разработанные и находящиеся в стадии становления, но открывающие новое направление исследований);

в-третьих, самой постановкой проблемы и соответственно полученными выводами.

Таким образом, научная новизна, оригинальность и значимость данного исследования не вызывают никаких сомнений.

Работа имеет четкую *структуру*. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложений.

Во «Введении» (стр. 4–47) убедительно показана актуальность, новизна и значимость предложенного исследования, определены его цели и задачи,

очерчена источниковая база и показан оригинальный исследовательский инструментарий.

Работа выстроена по хронологическому принципу.

Первая глава «*Первые книжники (literati) “первого гуманизма”: почерки и кодексы*» (стр. 48–109) посвящена начальному этапу формирования книжной культуры эпохи Македонской династии времени императоров Василия I Македонянина, Льва VI Мудрого и Константина VII Багрянородного.

Вторая глава «*Анонимный “мастер церемоний” и рукопись трактата De cerimoniis aulae byzantinae*» (стр. 110–176) посвящена единственной полной рукописи трактата «О церемониях византийского двора» *Lipsien. Rep. I. 17*, социокультурному контексту ее создания и определению автора этого компилятивного трактата. Автор вносит существенный вклад в разрешение вопросов палеографии, кодикологии и атрибуции рукописи. Особенно интересным нам показался § 3 «*Автор-составитель трактата De cerimoniis – анонимный “мастер церемоний”*», в котором вполне убедительно опровергается широко распространенная гипотеза о том, что трактат был создан императором Константином VII или паракимоменом Василием Нофом, и доказывается, что трактат был составлен для служебного пользования, а анонимный писец и автор-составитель трактата был придворным бюрократом, «мастером церемоний» и, вероятно, распорядителем церемонии похорон Константина VII Багрянородного 15 ноября 959 г.

В третьей главе «*Аристократ Василий Ноф Лакапин и китонит Никита: роскошные кодексы и драгоценные семиофоры*» (стр. 177–236) анализируются предметы с надписями, связанные с заказами высшей придворной аристократии X столетия, и исторический контекст их создания.

В § 2 «*Инсигнии власти паракимомена Василия Лакапина (Нофа): золотое кольцо и печати*» рассмотрены колофоны в принадлежащих ему рукописях и легенды его печатей. Ему атрибутируется массивное золотое

кольцо из Лувра с изумрудной вставкой и надписью, содержащее указание на его имя и должность.

В § 3 «Китонит Никита и его "Библия": ромей-писец в императорском дворце и североафриканском плену» рассказывает удивительную историю жизни приближенного к Василию Нофу высокопоставленного придворного, последовательно занимавшего должности китонита, протоспафария и друнгария флота, побывавшего в североафриканском плену, но, несмотря на все жизненные перипетии и сложившуюся карьеру, оставался профессиональным писцом.

В конце главы на с. 236 автор делает интересное заключение о том, что «история евнуха Никиты, придворного, полководца и библиофила, вполне типична для круга приближенных императора Константина VII Багрянородного и паракимомена Василия Лакапина Нофа, которых объединяли общие склонности и интересы. Они постоянно принимали участие в военных походах и политических интригах, но свой досуг они посвящали книгам — их написанию и чтению». Это ценное наблюдение, рисующее социальный портрет того слоя или группы, к которому принадлежали византийские «интеллектуалы» X — XI вв., однако, на наш взгляд, мотивы их деятельности заслуживают более широких пояснений. Для чего придворный и успешный полководец занимается переписыванием рукописей? Здесь же вспоминается формула новой эпохи книжной культуры, выведенная Ф. Ронкони и К. Ламуру⁴, включающая в себя «гуманизм» и «технические навыки» (а именно умение быстро и красиво писать минускулом). Зачем нужно было быстро и красиво писать минускулом? Было ли это средством сделать придворную карьеру, увлечением или способом заработать на жизнь?

⁴ Ronconi F., Lamouroux C. Administrative Elites and the 'First Phase of Byzantine Humanism'. The Adoption of the Minuscule in Book Production and the Role of Stoudios Monastery // Political Communication in Chinese and European History, 800–1600 / Ed. by H. Weerdr and F.-J. Morche. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. P. 163.

Четвертая глава «Книжная культура Константинополя середины – второй половины X в.» (стр. 237–277) посвящена книжной культуре эпохи Македонской династии периода максимального расцвета, прежде всего, отдельным социальным малым группам, которые были связаны с производством и использованием книг.

В заключении (стр. 278–286) подводятся итоги работы и формулируются основные выводы. В диссертации выработана и представлена целостная динамическая модель книжной культуры Византии IX–X веков, ее формирования и трансформации в контексте социальной истории. Изученные кодексы, драгоценности с владельческими и инвокативными надписями и печати с развернутыми легендами показывают *три основных группы, которые формировали социальный запрос*, диктовали моду и осуществляли практики, связанные с письменной культурой Византии второй половины IX–X в.: 1) императоры и их ближайшее окружение; 2) столичная администрация и высшие офицеры разного уровня; и, наконец, 3) «средний класс» образованных жителей Константинополя.

Работа снабжена 7 приложениями, которые имеют самостоятельное значение: в них не только визуализируются палеографические и стилистические наблюдения, изложенные в диссертации (№ I–V), но и публикуются выявленные и атрибутированные автором византийский документ 1032 г., а также именное кольцо с надписью (№ VI–VII).

В целом, работа производит очень благоприятное впечатление. Скрупулезнейшая работа с рукописями, текстами, почерками сочетается в ней с широким видением эпохи, проблематики, социальных трендов.

М. А. Курышева анализирует не только памятники рукописной традиции, что само по себе уже очень ценно, но сопоставляет их и с мало изучаемыми предметами с надписями (кольцами, печатями, реликвариями), справедливо рассматривая их как часть книжной культуры и на с. 109 резюмирует: «Тем самым, в конце IX – первой половине X в. складывается книжно-документальная культура практических почерков, которые

применяются и в делопроизводстве, и в книжном деле». Показаны образцы и характерные признаки трех основных стилей письма эпохи «Македонского ренессанса».

В диссертации сделаны частные небольшие открытия, которые сами по себе уже значимы для науки, например, помещенный в Приложение VI единственный оригинальный византийский акт 1032 г. в российских собраниях; передатировано и переатрибутировано одно из самых известных сочинений византийской литературы – «О церемониях византийского двора»; на с. 286. представлена еще одна интересная гипотеза о том, что кодекс Vat. gr. 167, написанный «жемчужным письмом» второй половины X в., вобрал в себя три исторических текста, посвященных предыстории и истории Македонской династии, вероятно, являлся проектом одного из ведущих писателей X в. и чиновника, занимавшего высшие должности в империи магистра и логофета Симеона.

В целом же, работа заставляет пересмотреть устойчивые представления, бытующие в историографии еще с XIX века. Так, на с. 278 делается важный вывод: «Вопреки распространенному мнению, отнюдь не церковная организация формировала основную моду на стили письма, почерки и оформление кодексов, грамот и артефактов». «Письменная культура и графосфера византийского общества IX – XI вв. формировались не при подавляющем доминировании церковных деятелей, их нужд и идеологием, но, прежде всего, за счет деятельности вполне светских бюрократов и интеллектуалов, причем не только представителей высшей придворной элиты, но и более широких слоев городского населения». Это наблюдение укладывается в современное понимание социально-политической организации Римской (Византийской) империи, которая сейчас видится не статично-инертным христианским обществом, а динамичной военно-бюрократической системой, созданной «народом ромеев».

«В эпоху сына и внука Василия I Льва VI Мудрого и Константина VII Багрянородного, книги, письма и акты становятся предметом повседневного использования императоров и их ближайшего окружения. Появляются библиотеки, архивы, ситуативные книжные собрания и подборки. Книги и грамоты становятся значимыми ценностями, которые собирают, хранят и ищут. Именно в этот период происходит массовое копирование античных текстов, которые тоже оказываются предметом не только интереса, но и высокой практической важности. Императоры и придворные идентифицируют почерки друг друга, подделывают их для реализации интриг и провокаций. Очевидно, что это поколение аристократии Ромейской империи не просто грамотно, а уже погружено в письменную культуру. Оно живет в насыщенной, многообразной и многоуровневой графической среде. Причастность к высокой культуре письма становится частью «византийского аристократического снобизма» (с. 281).

Выводы автора вполне обоснованны.

Апробация результатов исследования внушает исключительное уважение к автору. Апробация происходила на 67 международных научных конгрессах, конференциях, круглых столах, а также на регулярных междисциплинарных семинарах в ведущих научных центрах России, Болгарии, Великобритании, Польши, Сербии, Украины, Франции. Один только список этих мероприятий занимает 4 страницы автореферата (с. 13-16). По материалам исследования автором были опубликованы 77 статей на английском, итальянском и русском языках, из них 27 статей – в изданиях, включенных в перечень рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК.

Отдельно хочется отметить, что работа написана прекрасным научным языком. Тщательно выверенные формулировки, прекрасный слог автора без многословных фраз и повторений, четкость и логичность мысли,

прозрачность, логичность и убедительность выводов, наконец, вычитанность текста производят очень приятное впечатление.

Вместе с тем, при всей масштабности и фундированности исследования, к работе могут быть высказаны некоторые *замечания*:

1. С. 10: «Объектом нашего исследования является письменная, прежде всего, книжная, культура Византии середины IX – X в. и люди (индивиды), вовлеченные в производство, распространение, непосредственное использование, собирание и хранение книг и артефактов с надписями». В самом тексте диссертации используются оба понятия. В заключении (с. 278) фигурирует уже «письменная, книжная, делопроизводственная и эпиграфическая культура середины IX – X в., представленная тремя основными категориями – рукописная книга, акт и надпись на предмете...». Вероятно, стоило бы пояснить во введении, что понимается под книжной и письменной культурой, и как соотносятся эти понятия.

2. Аналогичным образом в I главе используется понятие «книжники» (*literati*), а в IV главе «византийские интеллектуалы». Являются ли эти понятия в данной работе синонимами или нет? К какой категории должны быть отнесены, например, китонит Никита, Лев Математик, Арефа Патрский и другие деятели эпохи Македонского возрождения?

3. Определение предмета исследования на с. 10 («Предметом же являются конкретные рукописи, акты, предметы, несущие надписи, а также известия письменных источников о социальных функциях книг, документов, письменности и индивидуальных почерках в Византии») совпадает по сути с определением источниковой базы. Хотя, наверное, это разные аспекты исследования.

4. Одна из задач, поставленных во введении (с. 43) – изучение механизмов социальной коммуникации, которые сопровождали процесс производства и распространения книг и иных артефактов с надписями. В заключении стоило бы подробнее остановиться на том, какие же механизмы социальной коммуникации, сопровождавшие процесс производства и распространения книг и иных артефактов, были выделены автором.

5. Во введении отсутствует обоснование структуры работы. Автор в своей логике, очевидно, идет от конкретных рукописей и выделяет определенную динамику в развитии письменной культуры, выделяя три основных типа письма эпохи «Македонского ренессанса» (*bouletée*, «тип монаха Ефрема» и *Perlschrift*), которые последовательно сменяют друг друга. Такая логика и принцип организации материала вполне уместны. Однако, если исходить из того, что в задачи исследования входило рассмотрение бытования кодекса в контексте микросоциологических групп, и отталкиваясь от главного вывода (с. 286) о том, что «сохранившиеся до наших дней кодексы, драгоценности с владельческими и инвокативными надписями и печати с развернутыми легендами показывают *три основных группы*, которые формировали социальный запрос, диктовали моду и осуществляли практики, связанные с письменной культурой Византии второй половины IX – X в.: *императоры* (Лев VI, Константин VII, Никифор II), их родственники, свойственники и *высшая придворная аристократия* (Василий Лакапин Ноф, вся семья Фок и др.); *столичные администраторы-бюрократы и высшие офицеры разного уровня* (паракимомен Самона, анонимный «мастер церемоний», китонит Никита, магистр и логофет Симеон); и, наконец, «*средний класс*» образованных жителей Константинополя («Анонимный учитель» и монах Ефрем вместе с их учениками, анонимный каллиграф и его ученик нотариий Никифор, работавшие на Василия Нофа, нотариий Константин Родосский и Ваанис, а

также многие другие)», возможно, стоило бы организовать материал так, чтобы рельефнее показать именно эти микрогруппы, т. е. I главу посвятить придворной аристократии, II – администрации и высшим военным чинам, и III – так называемому «среднему классу».

В заключении стоит отметить, что перечисленные выше замечания и соображения уточняющего характера никоим образом не умаляют значимость проведенного М. А. Курышевой исследования. Представленная диссертация «Византийская книжная культура эпохи Македонской династии: создатели, заказчики и владельцы рукописей и предметов с надписями IX–X веков», вне всякого сомнения, выполнена на высочайшем профессиональном уровне и вносит существенный вклад в историческую науку, как отечественную, так и мировую. Выводы, представленные в диссертации, выглядят убедительными, хорошо аргументированными и логически обоснованными. Достоверность выводов подтверждается исключительной широтой источниковой базы, блестящим анализом источников и существующей историографии, точностью и убедительностью логических построений. Название диссертации полностью соответствует ее содержанию. Основные положения, выносимые на защиту, содержащиеся в автореферате, вполне убедительны и не вызывают возражений. Текст автореферата полностью соответствует тексту диссертации и в полной мере отражает ее содержание. По теме диссертации опубликовано 77 научных работ, в том числе 27 статей в изданиях, рекомендованных ВАК для апробации результатов диссертационных исследований.

Диссертационное исследование Марины Александровны Курышевой «Византийская книжная культура эпохи Македонской династии: создатели, заказчики и владельцы рукописей и предметов с надписями IX–X веков» полностью соответствует всем требованиям, установленным Постановлением правительства РФ № 842 от 24.09.2013 «О порядке присуждения ученых степеней» («Положением о порядке присуждения ученых степеней») и

предъявляемым критериям к докторским диссертациям по специальности
5.6.2 – Всеобщая история (Средние века), а ее автор несомненно достоин
присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук.

Доктор исторических наук
профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков
Института международных отношений и мировой истории
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Vasheva

Ирина Юрьевна Ващева

15 мая 2025 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского»

603022, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

Тел. +7 (831) 462 31 07

E-mail: vasheva@mail.ru

Подпись И. Ю. Ващевой удостоверено
Начальник управления кадров *Т. А. Лапшина*

